

**ПЕТР
БУТУРЛИН**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Петр Дмитриевич Бутурлин

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

Стихотворения: 1891

Аннотация

«...Над степью высится гора-могила.
С землею в ней опять слилось земное,
И лишь в ее незыблемом покое
Покой нашла измученная сила.

Но песнь законы смерти победила
И страстная, как ветер в южном зное,
Векам несет то слово дорогое,
Которым прошлое она бодрила...»

Содержание

Сонеты	5
Могила Шевченко	5
Тайна	7
Пляска смерти	8
Отзвуки	9
Царевич Алексей Петрович в Неаполе	10
Серый сонет	13
Сатана	14
Мать Сыра Земля	15
К.....	16
Андрей Шенья	17
Чехарда	18
«Родился я, мой друг, на родине сонета...»	19
Разные стихотворения	20
Суламита (Подражание «Песне песней»)	20
Баядера	22
После разговора	24
Рондо	25
Элегия	26
«Весь мир, как смертью, сном объят...»	28
Между днем и ночью	29
К.....	30
Уныние	31

Мальтийские песни	32
Сумерки на Украине	34
Пред зарею	36
Солдатик	37
Безлунная ночь	45
«В лучах луны планеты побледнели...»	47
«Сердце, о бедное сердце усталое...»	48

Петр Дмитриевич Бутурлин

Стихотворения

Сонеты

Могила Шевченко

Над степью висится гора-могила.
С землю в ней опять слилось земное,
И лишь в ее незыблемом покое
Покой нашла измученная сила.

Но песнь законы смерти победила
И страстная, как ветер в южном зное,
Векам несет то слово дорогое,
Которым прошлое она бодрила.

Склони чело, молись, пришлец случайный!
Душе легко от радости свободной,
Хотя от слез здесь тяжелеют вежды.

Кругом – синеющий раздол Украины,
Внизу – спокойный Днепр широководный,
Здесь – крест, здесь – знак страданья

и надежды.

5 сентября 1885

Канев

Тайна

Есть в жизни каждой тайная страница,
И в каждом сердце скрыто привиденье,
И даже праведник, как бы во тьме гробницы,
Хранит в душе бывшее угрызенье.

Хоть быстрых лет исчезла вереница,
Хоть победило наконец забвенье
И чувства давние, дела и лица
Поблекли в вихре новых впечатлений –

Но всё же иногда тот призрак дальний,
Неведомым послушный заклинаньям,
На миг живой из сердца воскресает;

Не грозный, не укорный, лишь печальный,
Уже не в силах он карать страданьем,
Но как он мстит! Как совесть он пугает!

<1887>

Пляска смерти

Я видел грозный сон. Не знаю, где я был,
Но в бледной темноте тонул я, словно в море;
И вот, как ветра вой, как шум от тысяч крыл,
Зачался странный гул и рос в немом просторе, –

И вмиг вокруг меня какой-то вихорь плыл,
Кружился в бешеном, чудовищном задоре...
То были остовы. Казалось, всех могил
Все кости тут сошлись в одном ужасном сборе!

О, этот прах!.. Он жил!.. Всё ближе и быстрее
Меня он обвивал, и дикий, страшный хохот
Порывами звенел над звяканьем костей.

Вдруг голос прозвучал, как грома резкий грохот:
«Пляши, о смерть! Ликуй! Бессмертна только ты!..»
И я тонул один в разливе темноты.

<1890>

Отзвуки

Я чувствую, во мне какой-то отзвук спит;
Он разуму смешон, как детское мечтанье,
Как сказочных времен неясное преданье...
А, разуму назло, порою он звучит!

Так в раковине звон далеких волн сокрыт:
Прилива вечный гул и бури рокотанье
Меж стенок розовых слились в одно шептанье,
Но вся стихия там воскресшая шумит.

Мы слышим этот шум – нет! этот призрак шума! –
И в душных комнатах, среди дымных городов,
К безбрежью синевы мгновенно мчится дума.

Надежды мертвые счастливейших годов,
Ваш отзвук никогда среди темных треволнений
Не призовет опять лазоревых видений!

<1891>

Царевич Алексей Петрович в Неаполе

Графу П. И. Капнисту

1

К окну он подошел в мучительном сомненье;
В руке – письмо от батюшки-царя;
Но взор рассеянный стремился в отдаленье,
Где тихо теплилась вечерняя заря.

Без волн и парусов залив забыл движенье,
Серебряным щитом меж синих скал горя,
И над Везувием в лиловом отраженьи,
Как тучка, дым играл отливом янтаря.

И Алексей смотрел на мягкий блеск природы,
На этот край чудес, где он узнал впервой,
Что в мире есть краса, что в жизни есть покой,

Спасенье от невзгод и счастье свободы...
Взбешен молчанием, Толстой за ним стоял
И губы до крови, томясь, себе кусал.

2

В невольном, сладком сне забылся Алексей...
И вот его опять терзает речь Толстого:
«Вернись, вернись со мной! Среди чужих людей
Позоришь ты царя, отца тебе родного;

Но кара, верь, тебя с наложницей твоей
Найдет и здесь. Вернись – и с лаской встретит
снова
Он сына блудного. Простит тебе... и ей!
В письме державное на то имеешь слово».

И пред царевичем знакомый призрак встал,
Как воплощенный гнев, как мщение живое...
Угрозой тайною пророчило былое:

«Не может он простить! Не для того он звал!
Нешадный, точно смерть, и грозный, как стихия,
Он не отец! Он – царь! Он – новая Россия!»

3

Но сердце жгли глаза великого виденья;

Из гордых уст не скорбь родительской мольбы,
Казалось, лилась, – гремели в них веленья,
Как роковой призыв архангельской трубы.

А он, беспомощный, привычный раб судьбы,
В те быстрые, последние мгновенья
Он не сумел хотеть – и до конца борьбы
Бессильно пал, ища минутного забвенья.

«Спаси, о господи! помилуй мя, творец!» –
Взмолился Алексей, страдальчески вздыхая.
Потом проговорил: «Я покорюсь, отец!»

И на письмо царя скатилась, сверкая,
Горючая слеза... Какой улыбкой злой,
Улыбкой палача, торжествовал Толстой!

<1891>

Серый сонет

Вчера с вечернею зарей,
С последней, красной вспышкой света,
В зловещих тучах над землей
Печально умирало лето,

И осень с бледною луной
Взошла – и пел ей до рассвета,
Всю ночь, в листве еще густой
Изменник-ветер песнь привета.

Сегодня в небе нет лучей,
И дождь, дождь льется безнадежно,
Как слезы скорбных матерей!

И в этой тихой мгле безбрежной,
Смотри, к краям весны мятежной
Летит станица журавлей!

<1893>

Сатана

Однажды пролетел по аду вихорь света, –
И ожил вечный мрак, ликуя, как слепец,
Прозревший чудом вдруг неожиданный блеск
рассвета,
И стону вечному мгновенный был конец.

С улыбкой кроткою небесного привета
Пред Сатаной стоял божественный гонец
И рек: «Несчастный брат, тяжелого запрета
Снимает иго днесь вселюбящий отец.

Смирись! К ногам его, к престолу всепрощенья,
С раскаяньем твоим, как с даром, полечу,
И ад не будет век, не будет век мученья!»

Ответил Сатана со смехом: «Не хочу!»
И весь погибший люд, все жертвы искушенья
Владыке вторили со смехом: «Не хочу!»

<1893>

Мать Сыра Земля

Я – Мать Сыра Земля! Я – гроб и колыбель!
Поют мне песнь любви все голоса творенья –
Гроза, и соловей, и море, и метель,
Сливаясь в вечный хор, во славу возрожденья, –

Живит меня Перун, меня ласкает Лель;
Из недр моих к лучам и к радости цветенья
Стремится тонкий злак и царственная ель,
И мне, о человек, неведомы мученья.

Неутомимая, всех любящая мать,
Могла б я всем равно в довольстве счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила!

Незыблемый покой усталому суля,
Для бодрого всегда надежда я и сила!
Я – гроб и колыбель! Я – Мать Сыра Земля!

<1894>

К.....

Не верь, не верь толпе! Не умер Аполлон.
Да! Старый мир погиб, и затопляет Лета
Руины славные, где зову нет ответа;
Пустынною скалой чернеет Геликон...

Но в их святой пыли наш новый мир рожден!
Ужели божеством спасительного света
В чудесном зареве грядущего рассвета
На радость новых лет не пробудится он?

Жизнь бьет ключом теперь, но, робкие невежды,
Не видим мы еще поэзии надежды
В эпической борьбе природы и труда.

Явись, о вещей бог! Не зная сожалений,
Не веря смутным снам и грезам без стыда,
Ты новый гимн найдешь для новых упоений!

<1895>

Андрей Шенье

О, если бы во дни, когда был молод мир,
Родился ты, Шенье, в стране богов рассвета,
От Пинда синего до синего Тайгета
Была бы жизнь твоя – прелестный долгий пир!

При рокоте кифар и семиструнных лир
Венчали б юноши великого поэта,
И граждане тебе, любимцу Музагета,
В родимом городе воздвигли бы кумир.

Но парки для тебя судьбу иную пряли!
И ты пронесся в ночь кровавых вакханалий
По небу севера падучею звездой!..

Как греческий рапсод, ты страстно пел свободу,
Любовь и красоту бездушному народу
И умер перед ним, как греческий герой.

<1895>

Чехарда

Царю тринадцать лет. Он бледен, худ и слаб.
Бойтся пушек, гроз, коней и домового,
Но блещет взор, когда у сокола ручного
Забьется горлица в когтях зардевших лап.

Он любит, чтоб молил правитель-князь, как раб,
Когда для подписи уж грамота готова;
И часто смотрит он, не пророня слова,
Как конюхи секут сенных девиц и баб.

Однажды ехал он, весной, на богомолье
В рыдване золотом – и по пути, на всполье,
Заметил мальчиков, игравших в чехарду...

И, видя в первый раз, как смерды забавлялись,
Дивился мальчик-царь: и он играл в саду
С детьми боярскими, но те не так смеялись.

<1895>

«Родился я, мой друг, на родине сонета...»

Родился я, мой друг, на родине сонета,
А не в отечестве таинственных былин, –
И серебрястый звон веселых мандолин
Мне пел про радости, не про печали света

На первый зов мечты я томно ждал ответа
Не в серой тишине задумчивых равнин, –
Средь зимних роз, у ног классических руин,
Мне светлоокий бог открыл восторг поэта!

Потом... не знаю сам, как стало уж своим
Всё то, что с детских лет я почитал чужим...
Не спрашивай, мой друг! Кто сердце разгадает?

В моей душе крепка давнишняя любовь,
Как лавры той страны, она не увядает,
Но... прадедов во мне заговорила кровь.

<1895>

Разные стихотворения

Суламита (Подражание «Песне песней»)

Я – роза Сарона, я – ландыш долин!
От башен Сидонских до Чермных пучин,
От Нила до рек Ниневии далекой
Нет краше меня между женщин Востока.

Сыны моей матери, злобно кляня,
Стеречь виноградник послали меня;
Но солнце с небес любовалось мною
И знойной меня одарило красюю.

Спустилась я горной тропой в вертоград
Смотреть, как цветет молодой виноград,
Как зыблются травы большими волнами,
Как статный гранат увенчался цветами, –

Но там не нашла я весенних цветов...
Нашла я тогда в вертограде любовь!..
Мой милый – как царь среди царского стана,
И риз его запах – что запах Ливана!

Он властно обвил меня правой рукой;
Другая рука – под моей головой...
Мне дайте вина! Я от счастья страдаю!..
Мне дайте вина... От любви умираю!..

<1887>

Баядера

Луна сквозь туманы – бледней привиденья;
Едва серебрится восточная даль;
Созвездий дрожат на реке отраженья,
Как жемчуг, упавший на тусклую сталь.

Едва серебрится восточная даль,
И думы рабыни туда улетают...
Как жемчуг, упавший на тусклую сталь,
Лишь первые дни в темной жизни блистают!

И думы рабыни туда улетают,
Где вечно белеет святой Эверест...
Лишь первые дни в темной жизни блистают!
Там снился и ей сон счастливых невест.

Где вечно белеет святой Эверест,
Она расцвела среди бедности вольной;
Там снился и ей сон счастливых невест!..
А смерти страшней – красота для бездольной.

Она расцвела среди бедности вольной
И вянет средь роскоши светлых дворцов;
А смерти страшней – красота для бездольной!
На рынке Дельхи продается любовь.

И вянет средь роскоши светлых дворцов,
Что лотоса сорванный цвет, баядера;
На рынке Дельхи продается любовь,
Как горсть изумрудов, как шкура пантеры.

Что лотоса сорванный цвет, баядера
В раздумье поникла прелестной главой:
«Как горсть изумрудов!.. Как шкура пантеры!..»
Смутился впервые ленивый покой.

В раздумье поникла прелестной главой...
У ног ее волны журчат безмятежно, –
Смутился впервые ленивый покой.
Ей слышится голос ласкающе-нежный...

У ног ее волны журчат безмятежно:
«Тут день без веселья, тут ночь без пиров!»
Ей слышится шепот ласкающе-нежный:
«В нирване исчезнут и стыд, и любовь!..»

Тут день без веселья, тут ночь без пиров!
Тут мысль не томит, не томят наслажденья, –
В нирване исчезнут и стыд, и любовь...»
Луна сквозь туманы – бледней привиденья.

<1888>

После разговора

Что сказал я тебе, сознаю я неясно.
Неужели то было признание в любви?
Но слова не лились увлекательно-страстно
И смотрел я без робости в очи твои.
Хоть в лазури витают надежд вереницы,
Что останется мне от чудесной мечты?
Только несколько рифм на измятой странице
И забвеньё потом? Или горе? Иль... ты?

<1890>

Рондо

Весною, в сиянии радужных снов,
Казалась жизнь идеальной мечтою.
Была виновата, быть может, любовь
Весною!

Теперь же, под небом, подернутым мглою,
Всё плачутся ветры меж голых дерев, –
И сердце им вторит, им вторит с тоскою
Весною!

Природа, в венце из лучей и цветов,
В апреле заблещет обычной красою;
Но то, что исчезло, вернется ли вновь
Весною?..

<1890>

Элегия

*Fior di ginestra.
Dove c'è stato lo fuoco una volta,
Qualche poco di cenere ci resta.
Stornello umbro*

Средь мечтаний сокровенных, мимолетным
привиденьем,

Не встает ли пред тобою наша мертвая любовь?
Иль забыла ты, быть может, что друг друга мы любили
Первой страстью молодою, как потом не любят вновь?

Ты тогда была прекрасней безупречных изваяний;
Взор лучился, то синяя, как в июле небеса,
То зловеще зеленея, точно волны перед бурей;
Бронзой, солнцем освещенной, отливались волоса...

В дни великих вдохновений вся Эллада на коленях,
В чистом мраморе Пароса, обожала бы тебя!
И, как нищему царица даровала б диадему,
Эту роскошь совершенства отдала ты мне любя!

И восторги мы познали без пределов и без меры.
Дивной сказкой, а не жизнью стала жизнь тогда для нас!
Солнце чудилось светлее и роскошнее природа!..
Но неверный, как комета, улетел блаженства час.

Отчего и как расстались? Кто с слезами? Кто со смехом?
Хоть то было так недавно, – боже мой! Не всё ль равно!
Не вернется же то время, как фиалки прошлых весен, –
И забыть тебе, быть может, как мне помнить, суждено!

А вчера средь блеска бала, средь сверканий и веселья,
Под ликующие звуки к сладострастию маня,
Вся прелестна и надменна, как победная богиня,
Ты на миг свой взор спокойный обратила на меня...

Жизнь отдал бы я за слово хоть пустейшего привета, –
Ты в глаза мне посмотрела, не узнала и прошла.
О, зачем судьба в последнем, предразлучном поцелуе
На устах твоих пурпурных умереть мне не дала!..

Жаждать счастья бывшего – пытка выше всякой пытки,
И бывает, что безумно я завидую тебе:
Ты не помнишь! Иль, сильнее тиранической природы,
Голос совести и сердца заглушила ты в себе...

Невозможно! Невозможно! Хоть рабой страстей ты
стала,
Не надеюсь, – нет! я верю! – нет! я знаю, что порой
Средь мечтаний сокровенных, укоряющим виденьем,
Бледный призрак мой несется неотвязно пред тобой...

«Весь мир, как смертью, сном объят...»

Весь мир, как смертью, сном объят,
И слабой жизни трепетанье
В своем недремлющем мерцанье
Одни созвездия таят.

На крыльях веры в эту даль,
Где смутно брезжит отблеск рая,
Душа стремится, забывая,
Что ею властвует печаль, –

Что вечной радости святой
Ей недоступны откровенья,
Пока всей мерой искупленья
Не будет заслужен покой.

<1890>

Между днем и ночью

Темные сумерки тусклого дня, –
Холод, и сырость, и ветра стенанья!
О, как прелестно толпятся мечтанья
Здесь у камина, при свете огня,
В сумерках темных осеннего дня!

Пламя то вспыхнет, то гаснет неожиданно;
Красные тени танцуют кругом...
Дума сменяется сказочным сном,
Грезы всплывают и, путаясь странно,
Быстро яснее и тают неожиданно.

Сумрак густеет; огонь уж погас;
Тихо, темно; молкнет ветер печальный;
Грезы исчезли, и склеп погребальный
Снится невольно в таинственный час,
В час, когда день, как огонь, уж погас...

<1890>

К.....

Нет, жить еще ты не устала!
Не умерла в тебе любовь,
И то, что страстно проклинала,
Поверь, молить ты будешь вновь.

Так серый пепел, холодея,
И жар, и блеск огня таит;
Но ветер пройдет – и вдруг, краснея,
Костер, как прежде, заблестит.

Конца и смерти нет на свете.
Они – лишь вымысел невежд,
Боязни жалкие ответы
И ложь обманутых надежд.

Конец – миг нового начала,
И смерть – рождение души;
А жизнь, хотя ты в ней страдала,
Любовь и жизнь бессмертно хороши.

Уныние

Бывают дни, когда в душе усталой
Всё вымерло, – как в час очарованья,
Меж черной ночью и зарею алой,
Стихает мир без тьмы и без сиянья.

В те дни нет хмеля радости удалой,
Печали нет во мне, как нет желанья,
И сказкою докучливой и вялой
Звучат уму припевы упованья.

О, если б смерть холодными устами
Моих горячих уст тогда коснулась,
Отдал бы равнодушно я лобзанье!
И даже не жалел бы в миг прощанья
О том, что жизнь моя тянулась,
Для всех ненужной, долгими годами.

<1890>

Мальтийские песни

1

Ночи у моря мятежного,
Шумные музыкой волн, –
Счастья вкрадчиво-нежного,
Мира, как море, безбрежного,
Ласковый ропот их полн!

О, что за тайны прекрасные
Море поёт, ваш поэт, –
Ночи томительно-страстные,
Ночи без месяца ясные
Белым сияньем планет!..

2

Море, море голубое
В мраке жалобно рыдает,
Будто горе, горе злое
Даже волны угнетает.

Нет, о нет, не плачет море, –
Это ветер с ним играет,
Только ветер!.. Наше горе
Вопли волн воображает!

3

У моря поэтов, у моря богов,
У светлого, южного моря
Мне снятся метели и бледность снегов
На русском широком просторе.

Как черные лебеди, к яркой скале
Плывут корабли вереницей...
Мне снится кораблик на тонкой игле
Над северной, серой столицей...

<1890>

Сумерки на Украине

Оранжевый закат сиял,
Но из пучины лиловой
Созвездий рой уж выступал.
И над Украйною, – объятой
Вечернею, пахучей мглой, –
Как ангел добрых сновидений,
Казалось, пролетал покой;
И если из далекой тени –
Протяжен, грустен и высок –
Обрывок песни доносился
Иль где-то искрой золотился
Невидной хаты огонек –
В загадочном очарованья,
От этих звуков и мерцаний
Лишь становилась тень тусклей
И тише тишина полей.

Дорога лентою широкой
Вдоль задремавших нив лежит,
И массой валкой и высокой
Последний воз на ней скрипит.
Волы то станут средь дороги,
То вновь плетутся, и кругом
Вздывают медленные ноги
Тяжелой пылью чернозем.

Гринько устал. В душистом сене
Так хорошо тонуть! Не сон
Владеет им и не забвенье:
Он ароматом упоен.
Своих волов не погоняя,
Грицько ленится, отдыхая, –
И мелкой жизни мелкий строй
Невольно дума покидает;
Так с песней жавронок порой
От мира к солнцу улетает.

<1890>

Пред зарею

Близится утро. Скользят в поднебесье туманы.
Ночи лазурная тает краса.
Клонятся долу в траве золотые тюльпаны:
Жемчугом тусклым на них тяжелеет роса.

Близится утро, – и мир, как в метели шумливой,
В вихре потонет пустой суеты.
С трепетным блеском последней звезды сиротливой
Слабые чары исчезнут последней мечты.

Близится утро. С томительной негой прощаний
Лунный еще улыбается свет.
Дай, о вакханка моя, в упоеньи лобзаний,
Дай мне о ночи забыть... и не верить в рассвет!

<1890>

Солдати́к

Посвящается В. Ю. фон Дрентельну

Однажды, в городском саду,
Над южной славною рекою,
В каком-то сладостном чаду
Бродил я медленной стопою.
Не грезы светлые во мне
Или надежды колдовали;
Нет! Был я счастлив, как во сне,
Скорей отсутствием печали.
Я только смутно сознавал
С невыразимую отрадой,
Что томно сад благоухал,
Что скучной жизни за оградой
Тогда я не принадлежал.

И так, бог весть о чем мечтая,
Почти невольню сознавая,
Как чуден был июньский день,
Бродил я медленной стопою,
Где легкая висела тень
Зеленоватой полумглою.
Всё в гору, бледною змеєю,
Вились меж маленьких лугов
Дорожек серые спирали;

Высоко надо мной дерев
Все листья весело шуршали,
Как будто гордые собой,
Что жгучий ветер, пыль и зной
Еще доселе не измяли
Их шелковистую красу;
А солнце в светлую росу,
Казалось, преобразило
Потоки золотых лучей:
Оно, могучее светило,
Сквозь мягкую игру теней
Теперь лишь яркими кругами
Блестело на песке местами,
Покорно зыбкости ветвей...
Красавец месяц! Гордость года!
Июнь! Июнь! Твоей порой,
Во дни меж летом и весной,
О, как, обласкана тобой,
Ликует радостно природа!
Так новобрачная, полна
Стыдливости и сладострастья, –
Уже не дева, чуть жена, –
Трепещет на зените счастья.

Но из лучистой тьмы дерев –
Где я, как в милом царстве снов,
Забылся, тишью упоенный, –
Дорога вывела меня,
И, облитый сияньем дня,

Я тут очнулся, удивленный,
Что до венца горы дошел.
Налево липы отцветали,
А там – сторожка, частокол
И луг, где босяки дремали;
Направо, голый и крутой,
Во всю длину горы высокой
Желтел обрыв; внизу, далёко,
Тянулись вербы бахромой;
За ними – лишь простор широкий
Реки, и степи, и лесов,
Да синева без облаков.

Безбрежность дали, русской дали,
О, как ты странно хороша!
Тебя, светлее светлой стали,
Однообразнее печали,
Как любит русская душа.
У волн блестящих океанов
Иль на горах, где средь туманов
Мир еле виден и мольбе
Доступней, мнится, царь творенья, –
В порывах страстного томленья
Она тоскует по тебе,
О даль родимых кругозоров,
Где нет преград для жадных взоров,
Где ширь небес и ширь полей
В одной сливаются лазури,
Где место есть для всех лучей

И есть раздолье всякой буре!

Залюбовался я, – но вдруг
Заметил, что со мною рядом
Стоит солдат и тусклым взглядом
Глядит с унынием вокруг.
Как все армейские солдаты,
Он был нерослый, мешковатый,
С тупой усталостью в чертах,
В мундире грязном, в сапогах
Истоптанных... да, слава богу,
Его ли мне изображать?
Кому солдатика не знать!
На месте постояв немного,
Он отошел, но снова стал
И, будто он кого-то ждал,
Взглянул пытливо в даль дороги –
Там лишь рой бабочек белел, –
Вернулся он, вновь поглядел
И у обрыва тихо сел,
Над самым краем свесив ноги.
Я испугался за него.
«В уме ли он? Иль отчего
Своею жизнью так играет?
Ужели надоело жить?
Иль просто он меня желает
Своей отвагой удивить...
Нет, – то безумство, не отвага!
Там удалец бы оробел».

А у гигантского оврага
Невозмутимо он сидел,
Как будто занят созерцаньем
Тревожных волн большой реки,
Под солнцем брезжущих мерцаньем,
Которым искрятся штыки.
Ужаснейшей боясь кручины,
Его предупреждать я стал,
Что с глыбами той ломкой глины
Возможен каждый миг обвал.
Солдатик голову лениво
На оклик мой уж повернул,
Как вдруг вскочил, рукой махнул
И зашагал неторопливо
К дороге, где под сенью лип
Ему навстречу, очевидно,
Шла женщина: известный тип
Кухарки толстой, безобидной, –
Солдатский грузный идеал!..
Он подошел, фуражку снял,
Заговорил... Немного стыдно
Ей стало; круглая щека
Покрылась краскою густою,
И шалью нагло-голубою
Играла красная рука...

С какой-то нежною отрадой
Я долго им вослед смотрел;
И в скучной жизни за оградой

О них забыть я не сумел!

«Ужели всё? – читатель спросит. –
Идея где? И где рассказ?
Ужели тут поэт всё бросит –
Кухарку, воина и нас?
Знать, просто не по силам сказка!
Его измучился Пегас;
Как в вешней слякоти савраска,
В житейской прозе он увяз!
И хорошо еще, быть может:
Ведь повесть... странная была!
Никто конца ей не положит
Без лишних сцен а la Zola...
А уж такие наблюденья
Прискучили и без стихов!
И надо ль было песнопенья,
Чтоб эту описать любовь?
Любовь?.. О нет! Такого слова
Достоин ли простой разврат?
Да мог ли жар огня святого
Тот грубый чувствовать солдат?»

На это, строгий мой читатель,
Мне очень трудно дать ответ!
Но даже в словарях «поэт»
Отнюдь не значит лишь «мечтатель».
Нельзя ж Икаром нам порхать
Всегда, всегда над облаками;

Полет опасен меж звездами,
И крылья – как легко сломать!
Я сам жалею, без сомненья,
Что в светозарном сновиденья
Глаза духовные мои
На берегу реки той славной,
Увы! не видели ладьи
Олега, мощного Ильи
Иль милой тени Ярославны.
Тогда отдался б я вполне
Восторгам чистым вдохновенья,
И вы авось внимали б мне
С крупницей малой снисхожденья!
Но я ль, скажите, виноват,
Что и другое ведь бывает?
В общественном саду солдат
С своей зазнобою гуляет,
И рады все кричать: разврат!
Зачем?
В дыму пороховом,
Когда, средь молнии картечи,
Гремит атаки славный гром,
В ужасном упоеньи сечи,
О, поэтическим лицом
Солдат нам кажется победный!
Но тут, когда мужик он бедный,
Мужик, и только! – уж не то.
Для образованного стада
Таится в горестях отрада,

И песен про народ не надо,
Когда не мучится никто!
Давно не смеет быть счастливым
Никто из русских бедняков.
Любовь в народе терпеливом
Должна у хладных очагов
Томиться горем молчаливым;
Смеяться может лишь порок.
Умильно смотрим мы на счастье
Того, кого ласкает рок,
Но голь, чтоб вызвать в нас участие,
Должна без отдыха страдать!
Но, впрочем, будет мне болтать.,
В картинах нет нравоученья,
Как нет его в цветах полей.
Без всяких, признаюсь, идей,
Былые помня впечатленья,
Я лишь картинку набросал...
И, вместо красок, рифмы взял.

<1890>

Безлунная ночь

У порога белой хаты,
В ароматной мгле ветвей,
Заливается крылатый
Бард украинских ночей.

Нет луны, но звездным светом
Ночь лазурна, ночь ясна.
Спит земля. В молчаньи этом
Ночь гармонией полна.

Звонче песня... Громче... Шире...
Улетает в даль садов!..
Для кого в весеннем мире
Льется песня вешних снов?

Говорят, от роз востока
С золотой волной лучей
К русским розам издалека
Прилетает соловей.

Но сегодня не надменных
Славит он цариц весны,
Не поет им сокровенных
Сказок чудной стороны!..

Там, где яблони так низки
И так густ навес листвы,
У плетня там близко-близко
Две склонились головы.

Громче песня вылетает.
Кто услышит звук речей?
И лобзанья заглушает
Неустанный соловей!

<1891>

«В лучах луны планеты побледнели...»

В лучах луны планеты побледнели,
И много звезд исчезло, словно тая
В серебристой синеве, и тишь ночная
Была нема, как смерть живая кельи.

Лишь изредка в ветвях угрюмой ели
Вздыхали ветры сонные, летая
Туда, где лилии, царицы мая,
В сияньи лунном призрачно белели.

«Сердце, о бедное сердце усталое...»

Сердце, о бедное сердце усталое,
Что же ты рвешься, стремясь уповать?
Или вернулося время удалое?
Или в тебе еще сила страдать?

Сердце, засни же! Несбыточной сказкою
Тешат тебя эти счастья дни,
Жизнь погубила жестокою ласкою
Всё, чем могуче ты было, – засни!